

ЛОСЬ Александра Львовна

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМПАТИИ В ЯЗЫКЕ

В статье описываются языковые средства выражения эмпатии и связи эмпатии с другими метаязыковыми категориями: посессивностью, Наблюдателем. С помощью введения метапонятия устойчивая пара иллюстрируется связь фокуса эмпатии с коммуникативной избыточностью высказывания. Обосновывается необходимость введения метапонятия фокус смещения эмпатии в семантическое описание предикатов и лексем, отвечающих за языковую репрезентацию процессов восприятия. На основании полученных в ходе исследования результатов устанавливается, что включение метапонятия эмпатии в описание лексем, синтаксических структур, высказываний позволяет значительно расширить рамки его использования в лингвистике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-1/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. I. С. 131-135. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'1-027.21

Филологические науки

В статье описываются языковые средства выражения эмпатии и связи эмпатии с другими метаязыковыми категориями: *поссесивностью, Наблюдателем*. С помощью введения метапонятия *устойчивая пара иллюстрируется связь фокуса эмпатии с коммуникативной избыточностью высказывания*. Обосновывается необходимость введения метапонятия *фокус смещения эмпатии в семантическое описание предикатов и лексем, отвечающих за языковую репрезентацию процессов восприятия*. На основании полученных в ходе исследования результатов устанавливается, что включение метапонятия эмпатии в описание лексем, синтаксических структур, высказываний позволяет значительно расширить рамки его использования в лингвистике.

Ключевые слова и фразы: эмпатия; наблюдатель; устойчивая пара; поссесивность; смещение фокуса эмпатии.

Лось Александра Львовна, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский университет «МИЭТ»
al_los24@mail.ru

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМПАТИИ В ЯЗЫКЕ©

Точность и адекватность семантического описания слов в значительной степени определяется разработанностью и точностью метаязыка описания, создание которого является основной задачей лингвистики. Создание и пополнение метаязыка описания – первоочередная и важная задача и лингвокогнитивной науки. Терминологическая система когнитивной лингвистики включает не только новые термины, но и уточненные и унифицированные термины уже имеющиеся в лингвистике или заимствованные из других наук. Один из таких терминов – эмпатия – пришел в лингвистику из психологии.

Термин «эмпатия» применяется в лингвистике для описания одного из способов передачи информации с точки зрения говорящего (в терминологии У. Чейфа «способов упаковки» информации [15]) и предполагает возможность варьирования в способах упаковки передаваемой информации. Учет «эмпатии» важен для семантического описания единиц, ориентированных на языковую репрезентацию процессов восприятия. Термин «эмпатия», наряду с лингвистикой, встречается также в философии и психологии, изначально использовался в философии, затем стал применяться в психологии и уже только потом – в лингвистике. Понятно при этом, что содержание, вкладываемое в данный термин в этих трех областях знаний, имеет существенные различия.

В философии и психологии эмпатия ассоциируется, прежде всего, с сочувствием, симпатией, «вчувствованием» (от немецкого *Einführung* [14, с. 10]), в то время как в лингвистике этот термин применяется для описания способов передачи информации. Эмпатия – не единственный термин, «пришедший» в лингвистику из других наук. В. И. Шаховской объясняет такое заимствование терминологии (в результате которого видоизменяется первоначальное значение терминов) неразвитостью метаязыка лингвистики [16], с чем трудно согласиться. Проблема в том, что система «количественных полаганий» [6], с помощью которой осуществляется описание, например, в таких науках, как физика, математика, фактически, не может быть применима к языку. Для исследования языка требуется разработка детализированной системы качественных представлений, которые составили бы понятийный аппарат описания [11]. Несомненно, пополнение мета-аппарата лингвистики за счет терминов, используемых в психологии и философии, представляется вполне понятным, поскольку изучение языка в XX веке вышло за границы традиционной лингвистики и приобрело междисциплинарный характер [1; 12].

Между пониманием эмпатии в лингвистике и психологии, безусловно, есть общее, если учесть, что З. Фрейд задолго до С. Куно и других лингвистов связал понятие эмпатии с идентификацией, под которой (в отличие от С. Куно) он понимал «бессознательную имитацию поведения взрослых ребенком, позволяющую ему осваивать нравственные нормы общества» [14, с. 167].

В лингвистике термин «эмпатия» появился в функциональном синтаксисе, одним из первых его употребил С. Куно для «характеристики в степенях сравнения, идентификации говорящего с участником излагаемого события» [3, с. 87; 15, с. 313; 20, р. 431].

Рассмотрим то, каким образом представлена эмпатия в рамках лингвистической теории. Прежде всего, ее можно охарактеризовать как проявление антропоцентризма языка, поскольку идея антропоцентричности предполагает отражение объективной реальности с точки зрения отношения к ней воспринимающего субъекта и акцентирует преобладающую роль человека при передаче воспринимаемой им информации. Так, под эмпатией может пониматься «идентификация говорящего с участником или объектом сообщаемого события, изложение чего-либо с некоторой точки зрения» [9, с. 592; 13, с. 15].

Содержательная сторона понятия «эмпатия» заключается в приписывании человеку способности «представить себя смотрящим на мир глазами другого человека или с его точки зрения, и эта способность, по всей видимости, влияет на использование языка» [15, с. 313].

Однако эмпатию как лингвистический термин (в этом главное отличие его употребления в лингвистике) не следует понимать как сочувствие или как слияние точек зрения говорящего с одним из объектов высказывания. Согласно У. Чейфу, в предложении *John hit his wife* говорящий описывает событие со стороны Джона,

не обязательно принимая сторону Джона. Изложение какого-либо события может происходить с нейтральной точки зрения. В таком случае имеет место нулевая эмпатия. Говорящий может проявлять эмпатию по отношению к другому человеку, описывая событие с позиции участника сообщаемого события: *John hit Mary* – объективное изложение события; *John hit his wife* – говорящий проявляет эмпатию по отношению к *Джону*, поскольку все высказывание сориентировано на *Джона*, *Мэри* в данном высказывании – *его жена*; *Mary's husband hit her* – эмпатия по отношению к *Мэри*, она является центром высказывания, *Джон* здесь – это *муж Мэри*. Говорящий может также проявлять эмпатию по отношению к самому себе. Так, в примере *I hit John* будет выражена позиция говорящего, ситуация излагается в данном случае с его точки зрения [Там же, с. 315].

Под фокусом эмпатии понимается «носитель точки зрения, тот исходный пункт, в который помещает себя говорящий, строя имена для других объектов» [10, с. 205].

В обычной ситуации говорящий придерживается своей собственной точки зрения. В предложении *Федор бьет свою жену* фокус эмпатии отмечает компонент *Федор*. В высказывании *Муж Ирины бьет ее* фокус сочувствия перемещается на *Ирину*. Если (в приведенных выше примерах) *Ирина* идентифицируется как жена *Федора*, главную роль в высказывании играет *Федор*, если, напротив, *Федор* идентифицируется как муж *Ирины*, центром значимости высказывания становится *Ирина*.

По всей вероятности, представление ситуации через «смещение фокуса эмпатии» является достаточно распространенным явлением в языке. Существуют различные способы и средства выражения эмпатии. Рассмотрим некоторые из них.

Эмпатия и посессивность

В выражении эмпатии важную роль играет посессивность, которая проявляется в референтном употреблении притяжательных местоимений (*Джон ударил свою жену*) и существительных, выступающих в роли «владельца», т.е. посессивных, или «притяжательных», слов (*Муж (Чей муж?) Мэри ударил ее*). Если, например, в приведенных выше предложениях, отмеченных фокусом эмпатии, убрать соответствующие посессивное местоимение и существительное, данные предложения лишатся и фокуса эмпатии: *Степан бьет свою жену* – *Степан бьет жену*; *Муж Марии бьет ее* – *Муж бьет ее*. Согласно С. Куно [4], двух носителей точки зрения (т.е. двух фокусов эмпатии) в предложении быть не может, иначе предложение становится неправильным:

* *Mary's husband hit his wife.* Ср.: *Mary's husband hit her.*

* *Муж Ирины спросил свою жену.* Ср.: *Муж Ирины спросил ее.*

В каждом из неотмеченных примеров притяжательное существительное и местоимение имеют отношение к разным референтам. Важно, что эти референты представляют собой то, что мы называем *устойчивой парой*. Участники *устойчивой пары* могут быть связаны родственными отношениями, например *ее сестра* (она – *ее сестра*), *Муж Мэри* (*Мэри* – *муж Мэри*) и т.п. или же иными неслучайными отношениями, например, *владелец кошелек* и *его кошелек*: **Верни мой кошелек его владельцу*. В предложении *Муж Ирины спросил свою жену* такую *устойчивую пару* представляют собой *Ирина* и *ее муж*. Наличие посессивного существительного или местоимения у каждого из участников *устойчивой пары* приводит к возникновению коммуникативной избыточности. Иными словами, в данных высказываниях содержится информация, заведомо лишняя для успешного процесса коммуникации, причем избыточность несет одно из притяжательных слов. Как только одно из них удаляется из высказывания, последнее лишается избыточности и становится отмеченным. Проиллюстрируем это на примере: **Моя дочь спросила свою мать* (*устойчивая пара дочь – мать*). Фраза *моя дочь* предполагает, что: 1) у меня есть дочь; 2) у моей дочери есть мать (и это я). Фраза *свою мать* предполагает, что: 1*) у кого-то есть мать.

Таким образом, с одной стороны, 2) и 1*) несут в себе, фактически, одну и ту же информацию, т.е. одно из посессивных местоимений является избыточным с коммуникативной точки зрения; и с другой стороны, неясно, с чьей точки зрения излагается данное событие (с точки зрения *матери* или *дочери*), таким образом, в предложении присутствуют два фокуса эмпатии. Если удалить одно из посессивных местоимений из высказывания: *Дочь спросила свою мать* или *Моя дочь спросила меня*, оно теряет коммуникативную избыточность и становится правильным. В случае если референты не относятся к одной *устойчивой паре*, наличие двух притяжательных существительных / местоимений, относящихся к разным референтам, не приводит к коммуникативной избыточности и наличию двух фокусов эмпатии. Ср.: *Жена Тома спросила его сестру* (разные *устойчивые пары жена* $\Leftrightarrow$ *Том*; *Том* $\Leftrightarrow$ *его сестра*) или *Жена Тома спросила свою сестру* (разные *устойчивые пары жена* $\Leftrightarrow$ *Том*; *жена Тома* $\Leftrightarrow$ *ее сестра*), где есть притяжательное существительное и местоимение, относящиеся к разным *устойчивым парам*, что позволяет избежать коммуникативной избыточности.

Коммуникативная избыточность, тем не менее, не может быть сведена только к наличию в высказывании двух фокусов эмпатии. Ср. неотмеченное: **Вини в этом единственную дочь своей матери* (в особых случаях, например, при наличии стилистической окраски это предложение может считаться правильным) и отмеченные *Вини в этом себя* или *Вини в этом свою единственную сестру*, в котором нет двух фокусов эмпатии, несмотря на его коммуникативную избыточность. Как представляется, соотношение коммуникативной избыточности и эмпатии нуждается в дальнейшем исследовании.

Эмпатия и Наблюдатель

В ряде случаев эмпатия фиксируется в плане содержания лексем. Так, английские глаголы *come* и *go*, помимо всего прочего, различаются коммуникативной перспективой (эмпатией): *come* предполагает движение к говорящему, *go* – движение от говорящего [2]. Эти глаголы в своей семантике содержат дейктические компоненты, ориентирующие высказывание на Наблюдателя. Иными словами, говорящий (он же Наблюдатель) задает некоторую «точку отсчета», относительно которой происходит движение, ср.: *Then he brushed his suit carefully,*

fixed his tie straight, and went in to the hall [19, p. 203] (Затем он тщательно вычистил свой костюм, поправил галстук и вышел в коридор), где действие ориентировано по направлению от Наблюдателя, который находится в точке, от которой субъект действия начинает движение, или *He had come on this hunting safari as Barton's guest* [21, p. 124] (Он приехал на сафари в качестве гостя Бартона), в котором предполагается нахождение Наблюдателя в месте, указанном обстоятельством места, то есть движение ориентировано к Наблюдателю.

Дж. Лайонз относит глаголы, обозначающие движение по направлению от / к говорящему, к «эмпатическому дейксису» [2, с. 177]. Сравним глаголы *come* и *go* с глаголом *emerge* (в значении *появляться, возникать*): *The swimmer emerged from the lake* (Пловец появился из озера), где также появляется «синтаксически невыраженный субъект восприятия (Наблюдатель)» [22, p. 26], который помещает себя в место, откуда видно озеро и перемещение пловца, после перемещения попадающего в поле зрения Наблюдателя, или *The moon emerged from behind the clouds* (Месяц вышел из-за туч), где предлог *from* (из-за) также ориентирует высказывание относительно Наблюдателя, который, по всей вероятности, находится в открытом пространстве или в помещении близко от окна, откуда может наблюдать *месяц* (который после перемещения туч начал находиться в поле его зрения).

Таким образом, в предложениях со словом *emerge* имплицитно содержится информация о наличии Наблюдателя. Именно Наблюдатель сообщает об объекте / субъекте перемещения, когда объект перемещается и начинает находиться в поле его зрения. Наблюдатель – ориентир, он находится в точке, где может видеть данное перемещение объекта восприятия и сообщить о нем. Причем ориентация на Наблюдателя настолько сильна, что в ситуации перемещения не просто присутствует эффект наличия Наблюдателя, но данная ситуация перемещения некоторого объекта описывается с его точки зрения (акцент не на том, что происходит с наблюдаемым субъектом / объектом, а на том, что видит субъект / Наблюдатель). Таким образом, приведенные выше высказывания с глаголами *emerge*, *come* и *go* представляют собой определенный способ восприятия и концептуализации окружающего мира субъектом восприятия (Наблюдателем), причем отражение объективной действительности происходит с точки зрения отношения к ней Наблюдателя – человека. Он находится в точке отсчета пространственно-временных координат.

Наблюдатель и эмпатия наглядно иллюстрируют антропоцентричность языка. Однако эти категории представляют собой, в сущности, разные вещи. При наличии Наблюдателя (скрытого / явного) ситуация описывается с его точки зрения. При наличии эмпатии автор высказывания описывает событие с точки зрения отношения к нему одного из его участников. У. Чейф справедливо относит эмпатию не к самому содержанию, а к способам его передачи говорящим / воспринимающим субъектом (или, в его же терминологии, «упаковочным явлениям») [15, с. 314]. Эмпатия так или иначе используется для обозначения наиболее значимой информации в высказывании говорящего и тем самым обуславливает преобладающую роль человека при ее передаче.

Эмпатизация с помощью *ты*-форм

По мнению Е. С. Яковлевой, русские *ты*-формы наряду с яркой диалогичностью (ср. разного рода *ты* при «самоописании»: *Ничего не скажешь, хороши!* / *Смотри-ка ты, как он вырядился!* / *Вот так и живешь, как на вулкане!* / *Да разве здесь усидишь на месте?*) обладают также и эмпатией [18]. Лингвист полагает, что эмпатия как свойство переносных *ты*-форм легко выводится из прямого значения местоимения *ты*. В самом деле *ты* – это, «во-первых, показатель отчуждения от авторского я выход за пределы этого я (т.е. показатель диалога), а во-вторых, *ты* – это указание на первого, ближайшего к я собеседника, которым, разумеется, является само это я (отсюда рождается эмпатия: *ты*-мир – это свое, близкое, понятное говорящему)» [Там же, с. 48].

Эмпатизация с помощью *ты*-форм событий и ситуаций внешнего мира отчетливо видна и при употреблении псевдоимператива: *Опять жди писем, не спи всю ночь, волнуйся, по телефону называйся* (это «сочувственные» высказывания; эмпатия проявляется автором по отношению к самому себе); *Студент экзамены сдавай, а преподаватель по театрам будет ходить* (симпатии говорящего, как сообщает императивная форма, на стороне студента) [Там же]. Выбор именно такой модели описания заставляет понять высказывание как выражение симпатии по отношению к студенту и, в некотором смысле, осуждение преподавателя. Форма императива подсказывает, что субъекту (*студенту*) навязывается соответствующее трудное и неприятное – действие. Таким образом, в приведенном примере фокус сочувствия (эмпатии) отмечает компонент *студент*.

«Смещение фокуса эмпатии» в сфере предикатов

«Смещение фокуса эмпатии» может иметь место при использовании предикатов, специально ориентированных на передачу субъективных отношений Агента к описываемым событиям. Сравним высказывание *мне нравится*, отмеченное «смещением фокуса эмпатии», и *я люблю*, в котором «смещения фокуса эмпатии» не происходит: *Мне нравится ее стиль!* / *Я люблю музыку*. В высказывании *У-ку нравится X* имеет место определенная характеристика как *X-а*, так и *У-ка*, и вносятся два элемента информации:

1) *X* таков, что обладает определенными свойствами;

2) *У* получает положительное впечатление от *X-а* (свойства *X-а* таковы, что он производит на *У-ка* положительное впечатление).

«Смещение фокуса эмпатии» проявляется, по-видимому, в том, что синтаксическая структура высказывания *У-ку нравится X* такова, что субъект восприятия не совпадает с подлежащим, и, соответственно, фокус эмпатии говорящего смещается на *X-а*. Высказывание *У любит X-а*, напротив, предполагает совпадение субъекта восприятия и подлежащего, тем самым акцент делается на воспринимающем субъекте, и не имеет место «смещение фокуса эмпатии». Ср.: *Я люблю Россию!* / *Я люблю мороженое*, где вносится только информация о том, что «*У* получает положительное впечатление от *X-а* (или у *У-ка* положительные эмоции по отношению к *X-у*)»; о самом *X-е* (его свойствах, особенностях) не вносится никакой информации. При этом не происходит «смещение фокуса эмпатии» (смещение происходит только в случае наличия двух элементов информации).

«Смещение фокуса эмпатии» в описании отдельных лексем

Учет эмпатии важен для семантического описания единиц, отвечающих за языковую репрезентацию процессов зрительного восприятия, например, слова *ясный*. Как отмечалось ранее, эмпатия предполагает возможность варьирования в способах упаковки передаваемой информации. Подобная возможность варьирования может приводить к тому, что среди информации, на которой сосредоточено сознание воспринимающего субъекта (при зрительном восприятии некоторого объекта), выделяется более значимый ее элемент, что отражается в «способах ее упаковки» (по У. Чейфу [15, с. 314]) и влияет на использование той или иной единицы для описания зрительно воспринимаемых объектов. В ситуации зрительного восприятия, описываемой словом *ясный*, Наблюдатель осуществляет визуальную оценку, в которой присутствуют два значимых элемента информации: во-первых, акцент на качестве среды восприятия объекта (*S*) (характер среды таков, что *У* может видеть объект *X* и другие объекты хорошо); во-вторых, оценка визуально воспринимаемых характеристик самого объекта. Покажем это на примерах. В предложениях *В ясном небе тут и там были вычерчены строительные мачты и стрелы подъемных кранов* [7, с. 336] / *Далеко впереди, в ясном небе, проступала светлая полоса – отблеск близких полярных льдов* [17, с. 205] / *Его чувству ничего не говорили эти постройки, приветливо белевшие на полугоре, огромный сад, точно застывший в ясном воздухе* [8, с. 407] более значимым элементом информации оказывается оценка качества среды (*неба, воздуха*), в которой воспринимается объект, на эту оценку и смещается фокус эмпатии воспринимающего субъекта.

Для иллюстрации наличия / отсутствия смещения фокуса эмпатии сравним ситуации зрительного восприятия, представленные в высказываниях *ясный X (ясное небо)* и *яркий X (яркое небо)*. В высказываниях *Снаружи еще сильнее чувствовалось сладостное тепло, и свет лился не только от солнца, но и от всего синего яркого неба* [5, с. 297] / *Павел щурил глаза глядя на непривычно яркое летнее небо* зрительное восприятие *неба* представлено как успешное, и не вносится информации о качестве *неба* как естественной среды восприятия объектов, акцент прежде всего делается на интенсивности воздействия *неба* на зрительные рецепторы Наблюдателя. Таким образом, при использовании слова *яркий* для описания зрительных впечатлений акцентируется оценка визуальной характеристики самого объекта (интенсивности воздействия на зрительные рецепторы Наблюдателя); констатируется только, каков *X*. Это предполагает, что смещения фокуса эмпатии при приписывании объекту качественной характеристики *яркий* не происходит.

В заключении хотелось бы отметить, что многоплановость термина эмпатия позволяет его использовать для описания способов передачи информации с точки зрения говорящего, псевдоимперативов и переносных *ты*-форм, предикатов а также для когнитивной интерпретации семантики языковых средств, отражающих антропоцентричные языковые представления, ориентированные на фигуру человека, в том числе его зрительное восприятие. При этом включение этого термина в модель описания других единиц и семантических или синтаксических структур может значительно расширить рамки его использования.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5-33.
2. *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике* (АРСЛС) / сост. и ред. А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2003. 640 с.
3. Горлина А. С. Фокус контраста // Лингвистический вестник. Ижевск, 2000. Вып. 2. С. 85-92.
4. Куно С., Кабураки Э. Эмпатия и синтаксис // Общественные науки за рубежом. РЖ. Сер. 6. Языкознание. М., 1979. № 2. С. 154-156.
5. Лесной С. Откуда ты, Русь? Ростов н/Д: Донское слово; Квадрат, 1995. 352 с.
6. Лосев А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания (методы исследования языка). М.: Мысль, 1989. С. 5-92.
7. Лукьяненко С. «Л» – значит люди: Повести и рассказы. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 384 с.
8. Наживин И. Ф. Глаголют стяги: Исторический роман. М.: Современник, 1995. 511 с.
9. Николаева Т. М. Эмпатия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
10. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.
11. Селиверстова О. Н., Сулейманова О. А. Эксперимент в семантике // Изв. АН СССР СЛЯ. 1988. Т. 47. № 5. С. 431-443.
12. Сусов И. П. Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика: Современное состояние и перспективы развития. Тамбов, 1998. Ч. 1. С. 5-19.
13. Сусов И. П. Личность как субъект языкового общения // Межличностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 10-28.
14. Цветкова О. И. Эмпатия как профессиональная характеристика в деятельности психолога дошкольного учреждения: дисс. ... к. психол. н. Тверь, 1997. 208 с.
15. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1982. Вып. 11. С. 277-317.
16. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. 190 с.
17. Шигин В. В. Громами отражая гром: Рассказы и повести // Предисл. адмирала И. Касатонова. М.: ТОО ИИК «Калита»; Изд-во «Собрание», 1995. 400 с.
18. Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1-2-3. С. 47-56.
19. Huxley A. *Brave New World*. London: Longman, 1992. 245 p.
20. Kuno S. Subject, Theme, and the Speaker's Empathy // Subject and Topic / C. N. Li (ed). N. Y.: Acad. Press, 1976. P. 417-444.
21. Laumer K. *A Trace of Memory*. N. Y.: Tor Books, 1982. 170 p.
22. Lyons J. *Semantics*. London, etc.: Cambridge University Press, 1977. 371 p.

MEANS FOR EXPRESSING EMPATHY IN THE LANGUAGE

Los' Aleksandra L'vovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research University of Electronic Technology (MIET)
al_los24@mail.ru

The article describes the linguistic means for expressing empathy and relations of empathy with the other metalinguistic categories: possessiveness, Observer. Introducing a meta-conception of a stable pair the author exemplifies the interrelation of an empathy focus with the communicative redundancy of a statement. The paper justifies the necessity for introducing a meta-conception of a focus of empathy shift in the semantic description of predicates and lexemes responsible for linguistic representation of the processes of perception. On the basis of the research findings the author identifies that introducing a meta-conception of empathy in the description of lexemes, syntactic structures, statements allows to extend considerably the limits of its use in linguistics.

Key words and phrases: empathy; observer; stable pair; possessiveness; shift of an empathy focus.

УДК 808

Филологические науки

В статье говорится о фольклорных реалиях, о влиянии фольклорных мотивов на национальный колорит в произведениях азербайджанских писателей современного периода. На основе примеров из художественной прозы анализируются общие и отличительные черты поэтики современной прозы и таких жанров как притчи, дастаны, сказки. Также даются выводы о роли фольклорных мотивов как источника народного колорита в современной азербайджанской прозе.

Ключевые слова и фразы: современная проза; фольклорные реалии; народный колорит; система поверий.

Мамедова Наиля Адиль гызы

Сумгаитский государственный университет, Азербайджан
Aida092007@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ РЕАЛИИ КАК ИСТОЧНИК НАРОДНОГО КОЛОРИТА©

Использование фольклорных реалий в азербайджанской художественной прозе сегодня занимает такое же важное место, как и на протяжении всей ее истории. В связи с этим описание фольклорных реалий может считаться основным источником поэтической структуры художественной прозы. Своеобразие формы выражения в произведении сюжета и композиции, системы образов, языка и стиля определяют поэтическую роль фольклорных реалий в прозе. Это литературное качество, как один из показателей современной азербайджанской прозы ставит перед исследователями задачу более широкого и детального изучения данного вопроса. В статье же ставится цель показать, как фольклорные реалии используются в современной азербайджанской прозе, каким изменением они подвергаются и как меняют стиль и структуру произведений современных авторов.

Одной из главных особенностей современной прозы является использование маленьких фрагментов фольклорных реалий, соединяющая функция и создание единства между идеей и содержанием произведения. Поэтому в современной прозаической поэтике народные сказания, поговорки, сказки и дастаны встречаются в несколько иной форме. Часто фольклорные реалии используются в структуре художественной прозы с измененным содержанием и импровизациями.

В структуре произведения писателя Этимада Башкечида, Азада Гарадерели и других мастеров фольклорные реалии используются именно в такой творческой и импровизированной манере. В поэтике, языке и стиле романа Э. Башкечида «Сказания тысячи дорог», несмотря на современный сюжет, фольклорные реалии играют решающую роль в выражении идейного содержания произведения. В романе повествуется о судьбе азербайджанского студента, учащегося в Москве в период распада Советского Союза. Структура произведения построена именно на повествовании.

Творческое использование фольклорных реалий позволило совершенно с иной точки зрения рассматривать содержание и эпическую картину описываемого периода.

Содержание в самом названии романа функции «повествования», «сказания» стало причиной обращения автором к фольклору и народным размышлениям. Использование цитат из «Деде Коркута» и Мовлана Джалаладдина Руми в качестве эпиграфа, указывает на использование фольклорных реалий как источника. И в начале произведения, в авторском повествовании явно ощущается обращение к фольклорным реалиям: «Желание летать, парить, как сокол над землей стало мечтой человека с самого зарождения мира. До того как начнем свое повествование будет к месту сказать несколько слов об этом, потому что это связано с теми событиями о которых мы будем говорить далее» [3, с. 5].

Фольклорный язык и размышления, занимающие главное место в языковом материале писателя, стали причиной единого выражения периода повествования и современного мышления: «В те далекие времена, когда еще не было изобретено самолетов, вертолетов, каких-то там дельтапланов, люди летали во сне и в сказках» [Там же].